

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Подоксенов А.М., Телкова В.А. — Идеи Ф.М. Достоевского и советская действительность: взгляд Михаила Пришвина // Философия и культура. – 2023. – № 1. – С. 24 - 33. DOI: 10.7256/2454-0757.2023.1.37664 EDN: ELLESK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37664

Идеи Ф.М. Достоевского и советская действительность: взгляд Михаила Пришвина

Подоксенов Александр Модестович

ORCID: orcid.org/0000-0001-6405-6140

доктор философских наук

профессор, кафедра философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Разина, 21а

✉ podoksenov2006@rambler.ru

Телкова Валентина Алексеевна

ORCID: orcid.org/0000-0001-5738-3143

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина

399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Разина, 21а

✉ telkova.2014@bk.ru

[Статья из рубрики "Философия культуры"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2023.1.37664

EDN:

ELLESK

Дата направления статьи в редакцию:

11-03-2022

Аннотация: Предметом исследования является проблематика целостности развития отечественной культуры и духовной преемственности исторических эпох, что ставит вопрос, как одни и те же философско-мировоззренческие концепции переходят из одного века в другой, влияя на деятелей искусства разных поколений. Цель работы – изучить, в какой мере идеи и художественные образы Ф. М. Достоевского выступали для М. М. Пришвина контекстом постижения сущности советской действительности, а также философско-мировоззренческой оценки им идеологии и политики правящей партии

большевиков. В статье используется метод исторической реконструкции идейно-политического контекста жизни советского общества и государства. Используется метод герменевтики, применение которого напрямую вытекает из специфики художественного дискурса писателей. Сопоставительное исследование текстов и мировоззренческих взглядов, зафиксированных в дневниках Достоевского и Пришвина, выступает как своеобразный герменевтический круг, т. е. анализ мировоззрения позволяет лучше понять текст, а текст, в свою очередь, позволяет прояснить особенности концептуальных мировоззренческих идей автора. Новизна исследования заключается во введении в научный оборот новых фактов из изданного лишь в постсоветское время потаенного на многие годы 18-томного пришвинского Дневника (1905–1954), позволяющих открыть дополнительные грани творчества художника. В результате исследования выявлены основные детерминанты эволюции мировоззрения Пришвина от категорического неприятия Октябрьской революции и большевизма к примирению с советским государством. Полученные результаты вносят вклад в развитие пришвиноведения, позволяя полнее осмыслить закономерности эволюции мировоззрения и особенности художественного мира писателя, а также его место и роль в истории русской и советской культуры XX века.

Ключевые слова:

Пришвин, Достоевский, марксизм, большевизм, революция, государство, идеология, политика, классовая борьба, литература

В истории отечественной культуры творчество Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) является одним из самых сложных и многогранных явлений, и хотя в его изучении преобладают традиции филологического и литературоведческого анализа, выход в постсоветское время публицистики дореволюционных и первых послеоктябрьских лет, художественных произведений «Мирская чаша», «Цвет и крест», «Мы с тобой. Дневник любви» и особенно потаенного на многие десятилетия 18-томного Дневника (1905–1954) являет нам облик нового и неизвестного писателя, что вызывает потребность понять его подлинное значение не только как художника слова, но и как патриота, жившего проблемами и бедами России. При этом особая роль в становлении философско-мировоззренческих взглядов Пришвина принадлежит Федору Михайловичу Достоевскому (1821–1881), к творчеству которого он обращался всю жизнь.

Отметим, что в «Библиографическом указателе» [\[12\]](#) о жизни и творчестве Пришвина, содержащем описание более 2000 источников, до настоящего времени нет статей, посвященных проблематике, составляющей предмет нашей статьи. Хотя вопрос о влиянии Достоевского на мировоззрение и творчество Пришвина уже привлекал внимание ученых. Так, в 2011 году осмысление идей Достоевского в дневниковых записях Пришвина предпринято З. Я. Холодовой [\[24\]](#). О влиянии Достоевского на творчество Пришвина пишет А. Н. Варламов в книге «Пришвин» из серии «ЖЗЛ» [\[1\]](#). Привлекает внимание глава «М. М. Пришвин и Ф. М. Достоевский» из книги Т. М. Рудашевской «М. М. Пришвин и русская классика» [\[22, с. 133–185\]](#), которая с некоторыми изменениями повторяет журнальную статью 1970-х годов [\[23, с. 59–75\]](#). Однако влияние взглядов Достоевского на мировоззрение и творчество Пришвина в контексте революционных преобразований России XX века в трудах упомянутых авторов не рассматривается.

Известно, что если падение монархии в феврале 1917 года Пришвин принял с оптимизмом, как начало новой эпохи в истории России, то захват государственной власти большевиками встретил весьма негативно, и первые советские годы стали для него нелегким периодом мировоззренческого самоопределения. «Начались Карамазовы, и так я узнаю при этом чтении Достоевского – какая остается Россия после бесов» [\[15, с. 18\]](#), – отмечает он в начале 1920 года, говоря об атмосфере всеобщей вражды, аморализме и беззаконии большевизма. «Когда вдумываешься в Достоевского, то ничего не остается неожиданного в современности (“без чуда”) и как будто в стороне живешь и никакой не было революции» [\[15, с. 24\]](#).

Как некогда автор «Бесов», всеми силами искавший пути противостояния злу революционного насилия, Пришвин уже в новых исторических условиях стремился понять, как и чем можно победить идеи безбожия и классовой вражды, ставшие основой политики новой власти. Задача усложнялась и тем, что большевизм, кроме очевидного зла тоталитарной идеологии, имел несомненные достоинства – сама жестокость государственного насилия служила делу укрепления экономической и военной мощи страны, развитию образования, науки и медицины. «Как это ни странно, – отмечал в этой связи Пришвин, – а большевизм является государственным элементом социализма» [\[15, с. 40\]](#).

В начале 1920-х годов Пришвин пришел к выводу, что при всей фантастичности идейных стремлений ленинская партия стала единственной реальной силой обустройства страны, которая взяла «из рук Смердякова власть» [\[15, с. 276\]](#), тем самым приняв на себя все грехи насилия и убийств революции. В дневниковых заметках писатель использует художественные образы Достоевского, чтобы подчеркнуть изначально криминальный характер государственного переворота, когда большевики не только незаконно свергли существующую власть, но и ввергли страну в братоубийственную гражданскую войну. «Революция, как преступление. Нужно знать историю русского преступления, и поймешь русскую революцию. Недаром в конце Империи преступники государственные перемешались с преступниками уголовными» [\[14, с. 264\]](#), – пишет он, по-своему интерпретируя мысль Достоевского о преступности всякой антигосударственной деятельности для раскрытия характера и движущих сил Октябрьского переворота.

Поиск линии поведения в условиях советской действительности казался неимоверно трудным: в новой власти Пришвина отталкивал прежде всего отказ от христианской морали, воспитание классовой ненависти к людям и нигилизма в отношении к традициям русской культуры. Так на своем опыте жизни писатель убедился в верности слов Вл. Соловьева, которые он выписал в Дневник 1919 года, что «полное разделение между нравственностью и политикой составляет одно из господствующих заблуждений и зол нашего века» [\[14, с. 276\]](#). Тем не менее Пришвин старался не только понять историософскую логику деятельности партии большевиков по обустройству страны, но и видел в укреплении советской власти единственный выход из революционной смуты. «Вот урок: большевики, подымая восстание, не думали, что возьмут и удержат власть, они своим восстанием только хотели проектировать будущее социальное движение, и вдруг оказалось, что они должны все устраивать: роман быстро окончился оплодотворением, размножением и заботами о голодной семье» [\[15, с. 133\]](#).

Стремясь понять и принять провозглашаемые большевиками на фоне тягот реального бытия лучезарные идеалы социализма, Пришвин размышляет о трагических контрастах жизни советского человека, полной бытовых невзгод, социальных обид и политического

давления государства, которые переплетаются с надеждами на осуществление будущего светлого и гармоничного мира. В начале 1920-го года, в очередной раз перечитывая Достоевского, он выписывает в Дневник слова о князе Мышкине из романа «Идиот», которые в полной мере отвечали его нынешнему положению человека на духовном распутье: «Ребячески мечтавший иногда про себя свести концы и примирить все противоположности» [\[15, с. 7\]](#).

Воспринимая свое предназначение как служение народу Словом, писатель ищет путь примирения социальных противоречий, чтобы сделать отношения между людьми в советском обществе хотя бы немного более гуманными. Об этом свидетельствует еще одна дневниковая запись: «“Идиот” Достоевского: он может отталкивать (князь Мышкин) от себя, когда представишь себе полного человека: женщина, ребенок и даже просто “обыватель” несут в себе миссию этого полного жизненного человека будущего против уединенной культуры самолюбия современного человека. Если подходить с этой точки к социализму, то тут много правды: этот полный человек у них называется “общественный человек”» [\[15, с. 12\]](#).

Казалось бы, идеалы социализма с его лозунгами свободы, равенства и братства должны были примирить враждующие силы и соединить различные сословия в единый народ, чтобы получился, как пишет Пришвин, «полный» или «общественный человек». Однако, став властителями России, революционеры-марксисты начали не с попытки примирения социальных сил, а приступили к тотальной уравнительной переделке общества путем ликвидации частной собственности и превращения человека в безликую единицу коммуны, с установления политической цензуры и уничтожения всякого индивидуального мнения. Тем не менее Пришвин отдает себе отчет, что, несмотря на все заблуждения, недостатки и пороки большевизма, значительная часть населения видит в нем прежде всего попытку воплощения в жизнь извечной мечты людей о достижении социальной справедливости и всеобщего равенства. Именно этим еще в 1870-е годы Достоевский объяснял популярность европейской революционно-социалистической идеи, которую многие русские люди воспринимали «в самом розовом и райско-нравственном свете. <...> Зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации» [\[6, с. 130\]](#).

Искренне желая принять участие в строительстве новой жизни, Пришвин включается в работу по изучению краеведения, организует деятельность библиотек и музеев, учительствует в школе, продолжая при этом активно заниматься творчеством: пишет повесть «Мирская чаша» (1922), книги «Родники Берендея» (1925) и «Журавлиная родина» (1929), публикует в советских газетах и журналах очерки и рассказы, начинает автобиографический роман «Кашеева цепь». Словом, ведет себя как лояльный к государству гражданин. Привыкший во всем искать позитивный смысл, он надеется, что присущая народу жизненная сила, не раз спасавшая Русь в тяжкие исторические времена, и ныне поможет стране выбраться из революционной пропасти.

После краткого затишья в период НЭПа, когда жизнь советского общества вроде бы стала налаживаться, верхушка правящей партии большевиков в конце 1920-х годов снова начала раскручивать маховик репрессий, и вновь, пишет Пришвин, «слышишь всюду, арестован такой-то. <...> Говорят, что Флоренского совсем замучили ссылкой и обысками» [\[17, с. 57, 290\]](#). В свое время Достоевский прозорливо писал в «Бесах», что социализм будет немислимым без тайных соглядатаев, ложных обвинений и доносов людей друг на друга. Не случайно в романе почти все причастные к кружку заговорщиков так

или иначе вовлечены в сеть доноительства. Кто-то, как Липутин – не раз битый городской сплетник и шут, был уже «прирожденный шпион. Он знал во всякую минуту все самые последние новости и всю подноготную нашего города, преимущественно по части мерзостей» [4, с. 68]. Другие члены кружка, признается Петр Верховенский в разговоре с Ставрогиным, добровольно «шпионят друг за другом взапуски и мне переносят. Народ благонадежный. <...> Впрочем, вы сами Устав писали, вам нечего объяснять» [4, с. 298]. О том, что доноительство среди революционеров – процесс не спонтанный, а хорошо продуманный, свидетельствует искреннее восхищение главного «беса» романа шигалевской теорией социализма: «Шигалев гениальный человек! – восклицает Петр Верховенский. – Знаете ли, что это гений вроде Фурье; но смелее Фурье <...> у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, и все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство» [4, с. 322].

Предвидение Достоевского в значительной мере сбылось, и доносы стали характерным признаком духовной атмосферы целого периода советской эпохи. Под лозунгами революционной бдительности и борьбы с классовыми врагами, которые окружают первое в мире рабоче-крестьянское государство, большевизм после захвата власти сразу же стал насаждать в стране идеологию всеобщей подозрительности и доноительства. Уже в начале 1920-х годов, свидетельствует Пришвин, «доносы сотрудников друг на друга» стали обыденностью и «создалось такое положение в обществе, что ни на кого, как на человека, положиться невозможно» [16, с. 120, 123]. Чтобы уберечься от обвинений в политической неблагонадежности, Пришвин даже старается выработать у себя привычку «разговаривать с незнакомыми так, что – разговариваешь и в то же время представляешь, будто тебя слушает спрятанный здесь же секретный сотрудник (сексот). Никогда это двойственное состояние не покидает, и подчас занятно бывает положение акробата, идущего по канату» [19, с. 761].

В конце двадцатых годов Пришвину становится ясно, что его надежды на демократическое преобразование Советской власти вряд ли сбудутся. В апреле 1929 года, года великого перелома многовекового традиционного бытия крестьянской России, он замечает признаки надвигающейся грозы: «Политическая атмосфера сгущается до крайности. <...> В общественной жизни готовимся к серьезному посту. <...> Кончилась “передышка” Ленина. Начинается сталинское наступление» [17, с. 389, 390]. Историческое чутье и интеллектуальная прозорливость подсказывают ему, что наступает полоса реакции, которая всегда сопровождает смену политического курса, и очень скоро «могут показаться смешными наши слезы о гибели памятников культуры. Мало ли памятников на свете! Хватит! И правда, завтра миллионы людей, быть может, останутся без куска хлеба, стоит ли серьезно горевать о гибели памятников? <...> Правда, страшно до жути» [18, с. 11, 28].

Политика правящей партии, пишет Пришвин, стала напоминать «настоящую инквизицию, которую называют “чисткой”. Жизнь какого-нибудь совхоза состоит в постоянной чистке, доносах, интригах и непрерывной смене лиц» [18, с. 580]. Побочным итогом оказалось падение общественной морали, ибо доносы стали не только средством борьбы за власть, но и совершались зачастую по мотивам низменных страстей – мести, зависти или меркантильных интересов, когда оговор преследовал цель завладения имуществом обвиняемых. «Был человек, и его от нас “взяли”, как тигры в джунглях, бывает, возьмут человека: взяли без объяснения причины, и мы не знаем, где он. Завтра, быть может, и меня возьмут, если не эти, так те, кто всех живущих рано или поздно возьмет» [20, с. 87],

– пишет он о воцарившейся в стране атмосфере иррационального страха.

Что касается творческой интеллигенции, то давление на нее большевизм осуществлял через поддержку тех общественных объединений, которые открыто заявили о приверженности идеологии правящей партии. В этих политизированных организациях господствовала теория обусловленности творчества сословной принадлежностью художника, а строительство культуры нового мира рассматривалось как узко-классовое пролетарское движение, которым государство управляет через надзорно-карательные институты. Для Пришвина такая политика в отношении искусства была совершенно неприемлема: «Нельзя жить по этим жестоким и бессмысленным принципам коммунизма. <...> Классовый подход к живой личности – самая ужасная пытка для людей и губительство всякого творчества: это все равно, что стрелять в Пушкина или Лермонтова» [\[17, с. 415\]](#).

Одним из примеров такого подхода было отношение советской литературной критики к Достоевскому. Как известно, в 1913 году Ленин полностью поддержал протест Горького против театральной постановки романа Достоевского «Бесы» как порочащей идеи революции и социализма [\[7, с. 226–229\]](#). Кроме того, в 1914 году в письме к Инессе Арманд, отзываясь о романе В. К. Винниченко «Заветы отцов», он выступил с еще более резкой критикой: «Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких “ужасов”, собрать воедино и “порок”, и “сифилис”, и романтическое злодейство с вымогательством денег за тайну <...> Архискверное подражание архискверному Достоевскому» [\[8, с. 294\]](#).

Понятно, что такая оценка Ленина, любое слово которого в советскую эпоху воспринималось как истина в последней инстанции, стала руководящим указанием для всех, кому доводилось писать о Достоевском. Вторя установкам Ленина и Горького в негативной оценке творчества автора «Бесов», А. В. Луначарский (нарком просвещения РСФСР в 1917–1929 гг.) в одной из статей начала 1930-х годов писал, что Достоевский как представитель реакционной мелкобуржуазной мещанской массы стремился «к моральному истреблению революции», ставя перед собой лишь одну задачу – обслуживать контрреволюцию, «вещь для пролетария не только вредную, но и позорную» [\[10, стб. 339, 345\]](#). Статья Луначарского, вышедшая в XXIII томе Большой Советской Энциклопедии (1931), была не только официально-государственной оценкой, но и тем критерием, с которым власть требовала относиться к творчеству автора «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Более того, Луначарский, еще в 1921 году писавший о Достоевском как одном из «великих пророков» России и «может быть, самой обаятельной и прекрасной фигуры» нашей словесности [\[9, с. 234–242\]](#), через десять лет совершенно беззастенчиво стал утверждать, что в русскую литературу тот вошел исключительно как духовный «конквистадор и садист», а потому советскому человеку «нельзя учиться у Достоевского. Нельзя сочувствовать его переживаниям, нельзя подражать его манере <...> стыдно и, так сказать, общественно негигиенично подпасть под его влияние» [\[11, с. 298, 311\]](#).

В насаждении атмосферы социальной вражды в начале 1930-х годов особую роль сыграл Максим Горький. Желая идейно развенчать писателей-классиков, которые своим творчеством поддерживали нравственные традиции жизни народа, в середине 1930-х годов, Горький ожесточенно клеймил Достоевского в докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей: «Достоевскому приписывается роль искателя истины. Если он искал – он нашел ее в зверином, животном начале человека, и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать. <...> Как личность, как “судью мира и людей”

его очень легко представить в роли средневекового инквизитора» [\[13, с. 11\]](#). Убежденный сторонник коммунистической идеи, «буревестник» революции считал, что если прежняя интеллигенция обслуживала интересы капитала и «в большинстве своем занималась тем, что усердно штопала <...> испачканное кровью трудового народа философское и церковное облачение буржуазии» [\[2, с. 248\]](#), то советская интеллигенция создаст новую культуру, в котором главенствующее положение займет «литература пролетариата – одно из проявлений его жизнедеятельности, его стремления к самовоспитанию на основе той политико-революционной идеологии, которая создана научным социализмом Маркса – Ленина» [\[3, с. 335\]](#).

Размышляя о причинах обострения политической борьбы и историософских целях правящей партии, Пришвин отмечает: «Создается пчелиное государство, в котором любовь, материнство и т. п. питомники индивидуальности мешают коммунистическому труду. Стоит только стать на эту точку зрения, и тогда все эти “изуверства” партии становятся целесообразными необходимыми действиями» [\[18, с. 146-147\]](#). Целесообразность большевистского социализма, по его мнению, заключается в стремлении сделать каждого человека послушным исполнителем замыслов захватившей государственную власть партии. Подчиненность классовой идеологии для «человеческой личности является началом, вероятно, всякого зла, – пишет Пришвин в январе 1930 года. – <...> Пока еще говорят “фабрика зерна”, скоро будут говорить “фабрика человека” (Фабчел) <...> И, конечно, если дать полную волю государству, оно вернет нас непременно к состоянию пчел или муравьев, т. е. мы все будем работать в государственном конвейере, каждый в отдельности, ничего не понимая в целом» [\[18, с. 13\]](#). В этих словах писателя явно выражена аллюзия как на воззрение Шигалева из «Бесов» Достоевского на социализм, где большинство «должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [\[4, с. 312\]](#), так и на тему высказываний Великого Инквизитора о тихом и безмятежном счастье покорно отдавших свою свободу людей в «общем и согласном муравейнике» будущего социализма [\[5, с. 235\]](#).

Однако, несмотря на свое принципиальное неприятие большевизма с его идеологией классового насилия и политической диктатуры, Пришвин остается убежденным государственнымником, для которого советский миропорядок все-таки лучше безумия революционной анархии, разрушившей прежнее государство. Внимательный наблюдатель своей эпохи и проницательный мыслитель, Пришвин видит, как в 1930-е годы накануне неизбежной мировой войны нарастает необходимость реформы управления страной для максимально быстрого развития экономики. Сам ход истории выдвигал на первый план общественного сознания идею служения Отечеству, а не мировой революции. Вполне закономерно, что главными противниками оказались сами революционные фанатики, еще со времен Октября продолжающие мечтать о мировой революции и готовые бросить в топку всемирного пожара само советское государство. И поворот политико-идеологического курса, предполагавший необходимость широкой замены руководящих партийных кадров, был осуществлен с революционной беспощадностью.

Действительно, не только внутренняя необходимость форсированного развития экономики, но и международная предвоенная обстановка требовали самыми жесткими методами укреплять государство. Врагов государства, со всей откровенностью пишет в Дневнике Пришвин, следует казнить тысячами, лишь бы избежать новой разрушительной

смуты. То, что свое время не сделал Николай II, хотя бы для оправдания навязанного ему прозвища «кровавый», ныне без малейших колебаний сделал Сталин. Пришвин понимает, что карательные действия власти определяются прежде всего исторической необходимостью и только затем влияют на характер и личные интересы правителей. Так писатель делает свой окончательный жизненный выбор, мировоззренчески становясь на сторону государства, на сторону того «надо», которое диктует обществу ход исторического развития. Своеобразие Пришвина как писателя и мыслителя заключается в том, что в его творчестве не только воссоздаются жизненные реалии и сама атмосфера тех эпохальных разломов, свидетелем и участником которых ему довелось быть, своеобразие еще и в том, что трудно найти в истории русской и советской литературы творца, чьи произведения в такой же степени обусловлены идейно-философским, общественно-политическим и культурным контекстом.

Подводя итог, следует отметить: как в свое время Достоевский от революционно-социалистических увлечений юности перешел к безусловной поддержке просвещенной монархии – гаранта русской государственности, так и Пришвин прошел не менее сложную мировоззренческую эволюцию от полного неприятия большевизма к позиции государственника и патриота, для которого интересы укрепления Отечества выше идейно-политических разногласий. «Я смотрел и смотрю на коммунизм как на военно-полевую систему организации государственной власти, не коммунизм действовал, а необходимость центральной власти, разбитой революцией. Немцы не понимают того, что большевики у нас заменяют царя и нельзя теперь большевиков заменить царем» [\[21, с. 530\]](#), – пишет он буквально через месяц после начала Великой Отечественной войны.

Еще одним из важнейших сходств Пришвина с Достоевским является то, что оба мыслителя стремятся постичь скрытые закономерности своей эпохи, раскрыть смысл и основные тенденции развития общественного бытия и сознания. Поэтому так важно понять, как во взглядах писателей отражается дух времени, как идейно-политические, эстетические и нравственные суждения общества преломляются в их творчестве, определяя специфику художественного бытия героев и персонажей их произведений, более того, как мировоззренческие концепты и философские идеи переходят из XIX века в век XX, влияя на деятелей искусства разных поколений, тем самым образуя преемственность развития и духовную целостность исторических эпох жизни нашего Отечества. Очевидно, что интеллектуальный диалог с Достоевским и размышления о непреходящей актуальности его идей и художественных образов в значительной мере помогли Пришвину в постижении новой действительности, которая возникла после Октябрьского переворота.

Библиография

1. Варламов А. Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. 548 с.
2. Горький М. С кем вы, «мастера культуры»? Ответ американским корреспондентам // Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Статьи, речи, приветствия. 1931–1933. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 248–269.
3. Горький М. О литературной технике // Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Статьи, речи, приветствия (1931–1933). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 329–336.
4. Достоевский Ф. М. Бесы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 517 с.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 514 с.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873. Статьи и заметки. 1873–1878 // Полн.

- собр. соч.: В 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1980. 551 с.
7. Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому 13–14 ноября 1913 г. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 48. М.: Политиздат, 1964. С. 226–229.
 8. Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд 5.06.1914 г. // Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 48. М.: Политиздат, 1964. С. 294–205.
 9. Луначарский А. В. Достоевский как художник и мыслитель // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. Сост. В.М. Борисов, А.В. Рогинский. М.: Книга, 1990. С. 234–242.
 10. Луначарский А. В. Достоевский. БСЭ. Т. 23. М.: Советская энциклопедия, 1931. С. 336–345.
 11. Луначарский А. В. Достоевский как мыслитель и художник. Классики русской литературы (избранные статьи). М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. С. 295–311.
 12. Михаил Михайлович Пришвин. Библиографический указатель. Сост. Н. Б. Борисова, З. Я. Холодова. Иваново: ЛИСТОС, 2013. 175 с.
 13. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. 718 с.
 14. Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.
 15. Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922. М.: Московский рабочий, 1995. 334 с.
 16. Пришвин М. М. Дневники. 1923–1925. М.: Русская книга, 1999. 416 с.
 17. Пришвин М. М. Дневники. 1928–1929. М.: Русская книга, 2004. 544 с.
 18. Пришвин М. М. Дневники. 1930–1931. СПб.: Росток, 2006. 704 с.
 19. Пришвин М. М. Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010. 992 с.
 20. Пришвин М. М. Дневники. 1938–1939. СПб.: Росток, 2010. 608 с.
 21. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 880 с.
 22. Рудашевская Т. М. М. М. Пришвин и русская классика. Фацелия. Осударева Дорога. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 258 с.
 23. Рудашевская Т. М. Пришвин и Достоевский: проблема преемственности традиций // Русская литература. 1976. № 2. С. 59–75.
 24. Холодова З. Я. «Когда вдумываешься в Достоевского...»: Ф. М. Достоевский в дневнике М. М. Пришвина. // Сб. материалов III междунар. науч. конф. «Духовно-нравственные основы русской литературы» (12–13 мая 2011 г.). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. С. 78–80.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема, предлагаемая автором для обсуждения, в контексте повышенного внимания к переосмыслению идей Достоевского не выглядит тривиальной или лишенной новизны. По крайней мере, по формулировке названия так точно не скажешь. Тем интереснее услышать авторскую интерпретацию.

В содержании работы обнаруживает себя желание автора выйти за пределы традиционного истолкования идей Достоевского, чему посвящено огромное количество работ отечественных и зарубежных исследователей. Отмечу, что автором выбран

довольно любопытный аспект исследования: показать через взгляд Пришвина отношение к идеям Достоевского. Получается, что автор статьи как будто бы выступает в данной ситуации своего рода медиатором между одним великим писателем и философом – Достоевским и другим знаменитым мастером художественного слова – Пришвиным. Полагаю, что здесь роль автора статьи многократно повышается, а точнее повышаются требования к его компетенции, когда речь идет о том, что ему придется оценивать позицию Пришвина, который в свою очередь оценивал идеи Достоевского. При таком ракурсе исследования в значительной степени возрастает определенность методологического подхода. К слову сказать, автор почему-то не посчитал необходимым определить методологический вектор исследования, не смог сформулировать актуальность работы, а также не попытался обосновать проблему исследования. Без этих обязательных атрибутов сложно признать саму возможность именно такой постановки исследуемого вопроса. В этой части статья нуждается в доработке. Причем от четкости формулировок в этой части статьи во многом будет зависеть эвристическая ценность всей работы. По поводу методологии исследования также возникает вопрос относительно логики представления ключевых позиций в статье – все же по содержанию заметно превалирование внимания к Пришвину, именно он становится центральной фигурой в рассуждениях автора, однако в этой связи идеи Достоевского уходят как будто бы на второй план и теряют свою ценность для исследования. Конечно, с этим трудно согласиться. Поэтому от расстановки методологических сил во многом будет зависеть и логика, а также целостность всего материала.

В целом для статьи характерен достаточно ясный стиль изложения материала, автор бесспорно выходит на уровень философско-мировоззренческих обобщений, апеллирует к широкому литературному контексту. Это позволяет аргументировать самые важные концептуальные моменты, характерные для исследования. Так, например, автором оцениваются идеологические проблемы эпохи, которые сказались на формировании взглядов Пришвина, но также и Достоевского. Конечно, прямые параллели в этом отношении трудно провести, но автор прекрасно понимает, где следует искать точки соприкосновения идеологических «фронтов».

В статье присутствуют, кроме того, серьезные выходы на концепцию личности, столь трудно искомую применительно к веку девятнадцатому, и веку двадцатому. Через призму поиска такой концепции автор пытается показать, характер идеологических клише, оказавших влияние на такую концепцию, например, клише советского человека, который должен соответствовать определенным качествам. Подчеркну при этом, что автор не скатывается в политический антураж по поводу данного аспекта рассматриваемой проблемы, а следовательно, и объективность оценок в значительной степени при этом сохраняется.

Примечательно, что внимание автора простирается и к другим эпохальным личностям, без которых, конечно же, сложно рассматривать поднятую проблему. Речь идет о Горьком, Ленине, Луначарском и др. На мой взгляд, это усиливает значение важных обобщений, сделанных автором статьи; они позволяют увидеть цельную авторскую концепцию, имеющую значение для понимания заявленной проблемы. Выводы согласуются с содержанием статьи, а литература позволяет автору представить широкий срез соответствующего научного дискурса. Полагаю, что после внесения необходимых поправок данный материал может быть опубликован.